

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ТРЕВОЖНЫЙ АВГУСТ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Четвертый эшелон

Эдуард Хруцкий
Тревожный август. 1942

«СОЮЗ»

1977

Хруцкий Э. А.

Тревожный август. 1942 / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
1977 — (Четвертый эшелон)

ISBN 978-5-6050124-3-6

В Грохольском переулке Москвы во время разбойного нападения убита семья работника Гохрана, известного ювелира Ивановского. Случайная свидетельница произошедшего видела, как трое неизвестных скрылись с места преступления на автомобиле ГАЗ, стоявшем рядом с домом. Принимая во внимание то, что не так давно в мастерскую Ивановского поступило много ценностей от эвакуированных предприятий Ювелирторга Белоруссии и Украины, преступники действовали по наводке. Навел скорее всего кто-то из тех, кто сталкивался с Ивановским по работе. Судя по жестокости и организованности преступления в Москве орудует банда. Опасная банда. Поэтому расследование поручено одному из самых опытных сотрудников МУРа — Ивану Александровичу Данилову.

ISBN 978-5-6050124-3-6

© Хруцкий Э. А., 1977

© СОЮЗ, 1977

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эдуард Хруцкий

Тревожный август

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Глава первая

Москва. 8 августа

Данилов

У Данилова был знакомый инженер, который, как только садился в машину, немедленно засыпал. Делал он это независимо от длины пути и времени суток и одинаково крепко спал, будь он в такси или в своей, трестовской, машине, когда шофер вез его на очередной объект.

Над ним смеялись знакомые, о нем рассказывали анекдоты. И только потом Иван Александрович понял, что этот человек ни разу за много лет не выспался по-настоящему. Слишком много тогда нужно было построить, и слишком мало было специалистов.

Данилов вспомнил о своем знакомом, когда пришел к нему в кабинет всегда недовольный шофер Быков и, хмуро посмотрев на начальника отделения, сказал:

- Между прочим, до райцентра по нынешним дорогам часа четыре с гаком.
- А гак-то велик? – ехидно поинтересовался Данилов.
- Тоже с час.
- Тогда будем просто говорить: пять часов езды.
- А мне, товарищ начальник, при такой резине от вашей точности ни жарко, ни тепло.
- Тогда ты, Быков, мне фаэтон найми, я в нем поеду.
- Это еще что такое? – удивился шофер.
- Вот когда выяснишь, приходи, а пока иди готовь машину. Ясно?
- Куда яснее, – Быков вышел, нарочно громко хлопнув дверью.

«Все, – подумал Данилов, – через три часа сяду в машину и усну. Буду спать пять часов. Пусть только кто-нибудь попробует меня разбудить».

Он подошел к сейфу, отодвинул литую узорчатую крышку замка, с трудом вставил ключ. Ключ был новый. Прежний же, который, видимо, изготовили на заводе именно для этого сейфа, Иван Александрович потерял в декабре прошлого года. Впрочем, слово «потерял» было не совсем точным. Тогда осколком мины у него начисто срезало карман полушубка. В горячке боя он так и не заметил этого и только утром разглядел наконец и понял, почему всю ночь у него мерз правый бок. Естественно, что ключ искать было бессмысленно.

После того как батальон НКВД, в котором Данилов был заместителем комбата, расформировали и работники милиции вновь вернулись на свои места, вопрос о сейфе встал на повестку дня. Замначальника МУРа Серебровский просто предложил вскрыть его автогеном, но Данилов заупрямился. Ему жалко стало этот заслуженный чугунный ящик, который верой и правдой служил всем его предшественникам. Потом у сейфа была одна необычная особенность: как только открывали замок, он наигрывал какую-то никому неизвестную мелодию.

– Ну, тогда сам его открывай, гвоздем, – сказал, уходя, Серебровский. – Ты, Данилов, прямо как старьевщик. Тебе бы из АХО новый сейфик принести – и порядок, а то ведь это чудище полкабинета занимает.

Замначальника скрылся за дверью, оставив Данилова один на один с сейфом. Иван Александрович позвонил в справочную, узнал номер телефона завода металлоизделий. Но главный инженер сказал Данилову, что их механики могут вскрыть только сейфы заводского производства.

– Спасибо, – поблагодарил Иван Александрович. – А вам неизвестно, где есть еще такие специалисты?

– По этому вопросу обратитесь в МУР, – рассмеялся невидимый собеседник и повесил трубку.

Что и говорить, адрес был наиболее верным. И вдруг Иван Александрович вспомнил Рогинского, теперь уже старика, бывшего медвежатника, потом колониста. Ему довелось видеть его перед самой войной, и тогда Рогинский со смехом сказал, что трудится «почти по прежней специальности» – заведует мастерской по ремонту сейфов. Мастерская находилась где-то на Трубной, практически в двух шагах от МУРа. Рогинского разыскали через час. Он минут пять покопался с замком, и кабинет снова наполнила старинная звенящая мелодия.

– Все, – усмехнулся Рогинский, – теперь, уважаемый Иван Александрович, давайте оформим наши отношения.

Он достал из кармана квитанционную книжку.

– А без этого нельзя? – спросил Данилов.

– Левыми делами не занимаюсь никакими.

– А как же теперь мне быть, записать вас в штат? Как открывать и закрывать это музыкальное чудо?

– Напрасно иронизируете, сейф у вас замечательный. Теперь таких не делают, их на всю Москву три осталось, а куранты работают только у вас. Ключ я вам сделаю часа через два, правда, замочек придется взять с собой.

В общем, после этого сейф стал работать, только ключ вставлялся туговато. Но вызывать старика второй раз времени не было.

Глава вторая

Москва. Май

Данилов

Шестого мая, поздно вечером, когда Данилов собрался домой, благо казарменное положение отменили, позвонил дежурный.

– Иван Александрович, – взволнованно закричал он в трубку, – убийство! – Голос дежурного сорвался.

«Видимо, кто-то из новеньких, – подумал Данилов, – старики уже привыкли ко всему».

– Где?

– В Грохольском переулке.

– Хорошо, выезжаю.

Игорь Муравьев, Степан Полесов и новый пом-уполномоченного Сережа Белов еще не ушли, и это было очень кстати, так как посылать за кем-нибудь машину времени не было.

В автобусе их уже ожидали эксперты и проводник с собакой. Все было как обычно, обыкновенный выезд.

Автобус гремел по булыжникам переулков. Шофер гнал машину кратчайшим путем. Трясло.

– Слушай, – крикнул Муравьев из темноты, – Володя! Что, в Москве нет больше асфальтированных улиц?

– Есть, – ответил шофер, – но так дорога короче.

– Боюсь, Иван Александрович, – сказал Игорь, – что он нас не довезет. Ты нас не жалеешь, так собаку пожалей! – опять крикнул он шоферу.

– Ничего, – серьезно сказал проводник. – Туман привычный. Правда, Туман?

По крыше автобуса застучали ветки, шофер вывел машину в проходной двор.

– Ну, дает, – засмеялся Полесов, – сейчас дворами поедем.

Пронзительно закрипели тормоза. Автобус остановился.

В переулке пахло липой. Было совсем темно, только узкие прорезы замаскированных фар освещали несколько метров булыжной мостовой.

– Интересно, куда он нас привез, – спросил Данилов. – Как ты думаешь, Игорь?

– А кто его знает...

– Привез я вас правильно, – обиженно сказал шофер. – Вон там, видите?

Данилов наконец начал различать неясные фигуры у подъезда дома. Потом послышались торопливые шаги, к ним кто-то шел.

– Товарищ начальник...

– А, это ты, Смирнов, – Данилов по голосу узнал начальника розыска райотдела. – Ну, чего у тебя?

– Плохо у меня, четыре трупа.

– Да, хуже некуда. Что ж ты, меньше мне не мог приготовить?.. Ну, ладно, веди нас.

Глаза привыкли к темноте, и постепенно Данилов уже различал улицу, дома и деревья, которые казались неестественно большими.

Сзади по тротуару полоснул узкий свет фонаря.

– Пока не надо, потом, – не оборачиваясь, приказал Иван Александрович.

– Сюда, – сказал кто-то и услужливо распахнул калитку, – тут ступенька одна сломана, так что вы осторожно.

– Спасибо.

Первое, что он почувствовал, войдя в дом, был кисловатый запах пороха. Это означало, что здесь стреляли много. Данилов толкнул дверь и оказался на пороге маленькой прихожей.

На полу лежал человек в военной форме, рядом валялась фуражка с черным артиллерийским околышем. Осторожно переступив через труп, Данилов вошел в комнату...

В пять утра Иван Александрович вернулся в управление и, не заходя к себе, сразу же пошел к начальнику. В приемной сидел неизменный Паша Осетров.

– У себя? – спросил Данилов.

Паша вскочил, шелкнул каблуками и, оправив гимнастерку, ответил:

– Час как прилег. А что, важное что-то?

– Придется будить. – Данилов еще раз подивился Пашиной выправке. – Дело безотлагательное.

– А может, подождем, Иван Александрович?

– Нет, Паша, нельзя ждать.

Осетров скрылся за дверью и через две минуты появился вновь.

– Ждет.

Начальник, стоя у стола, застегивал гимнастерку. Одна щека его была помята до красноты. Он поймал взгляд Данилова, усмехнулся.

– Что смотришь? Вот на диване прилег. Все часок прихватил, пока ты жуликов ловишь.

Он потянулся всем своим большим, сильным телом, взял со стула ремень.

– Я перед войной, Иван, думал, поеду в отпуск, кроме твоего, есть ничего не буду. Похудеть все хотел. Сейчас же ем все, что придется, а без ремня галифе бы потерял. Такая вот у нас нынче жизнь. Почище всякого лечебного питания. Ну, докладывай.

Иван Александрович сел к столу, достал из планшета бумаги.

– Плохое дело, – начал он, – давно у нас такого не было.

– Ты докладывай, Данилов, – начальник сел на диван, – а потом мы с тобой решим, что было и чего не было.

– Третьего мая в Москву с Дальнего Востока прибыл старший лейтенант Ивановский Сергей Дмитриевич. Цель приезда – служебная командировка. Ивановский сопровождал эшелон с техникой – пушки для фронта. После окончания дел он попросил у начальства разрешения задержаться на три дня в Москве у родителей. Ему разрешили. Шестого мая, вечером, он со своей девушкой пошел в кино. Кстати, она живет в соседнем с нами доме. По ее словам, когда они подошли к дому Ивановского, то заметили: на одном из окон часть светомаскировочной шторы оторвана и свет падает на улицу. Ивановский заглянул в окно и увидел, что какой-то человек бьет по лицу его отца. Он выхватил пистолет и бросился к дверям.

– Погоди-ка, – начальник встал, – это тебе девушка Ивановского рассказала?

– Да.

– А где она сейчас?

– У меня в кабинете ждет.

– Предусмотрительный ты, Иван, человек, – начальник усмехнулся, – с тобой работать хорошо. Ну, давай дальше.

– Нам повезло, что подруга Ивановского, Алла Нестерова, сразу же подошла к окну. Сначала она не поняла, куда бросился Сергей, только потом, догадавшись, подбежала к окну. Через порванную штору Нестерова увидела кусок комнаты и человека в военной форме. Тот поднял руку. И девушка поняла, что незнакомец собирается кого-то ударить. За окном все происходило, как в немо кино. Но внезапно раздался выстрел, звук которого не смогли приглушить оконные стекла, и неизвестный, так и не опустив руку, упал. Потом в комнате прогремело еще несколько выстрелов, и погас свет. Нестерова прижалась к стене. С крыльца сбежали трое. И только тогда она увидела «газик», стоявший чуть поодаль от дома. Машина развернулась и

пронеслась мимо нее. И все же, несмотря на темноту, Нестерова успела запомнить последние две цифры номера – 06.

– Так, – начальник встал, – это уже кое-что. Ну а дальше?

– В квартире мы обнаружили убитых: лейтенанта, его родителей и неизвестного в форме ВОХРа. Найдена всего одна гильза от пистолета ТТ: судя по кобуре, этим оружием пользовался Ивановский.

– А в командирской книжке у него что записано?

– Все дело в том, – Данилов полез за папиросами, – что документов у лейтенанта не обнаружили.

– Значит, их забрали.

– Больше гильз не нашли, видимо, стреляли из наганов. Кстати, у убитого налетчика на поясе кобура от нагана. Точнее сообщат патологоанатомы и эксперты.

– Следовательно, картина такая. Четверо неизвестных врываются в дом Ивановского, избивают его родителей...

– Обыскивают квартиру, – добавил Данилов.

– Да, обыскивают. Значит, что-то ищут. Поэтому, видимо, и били, заставляли признаться. Им это «что-то» очень нужно было. Просто так на тройное убийство не пойдешь. В общем, поздравляю, Данилов: банда у нас появилась. Опасная банда. Что-нибудь взято из дома?

– На полу валялась шкатулка. Нестерова показала, что в ней убитая Мария Дмитриевна Ивановская хранила ценности. Нестерова считалась невестой сына, поэтому ей были известны некоторые вещи. Так, например, она рассказала, что там хранились сапфировые серьги с бриллиантами, которые покойная собиралась подарить ей к свадьбе.

Некоторое время они сидели молча, глядя друг на друга. Потом Данилов сказал:

– Не думаю, что Нестерова связана с этим делом. Девушка она хорошая, студентка, комсомолка.

– С тобой прямо страшно становится, Иван, – усмехнулся начальник, – ты мысли читаешь.

– Так работаем вместе сколько.

– Откуда у Ивановского-старшего драгоценности?

– Он ювелир, очень известный. Крупнейший специалист, так сказать, художник своего дела.

– Но ведь не из-за сережек к нему пришли. Сколько они, кстати, могут стоить?

– Об этом поговорю сегодня днем со специалистами.

– Надо узнать, зачем они приходили.

В дверях бесшумно появился Осетров:

– Товарищ начальник, там Муравьев товарища Данилова спрашивает.

– Давай зови его.

Игорь вытянулся на пороге. Данилов с удовлетворением оглядел его ладную фигуру, туго затянутую портупеей. Игорь последнее время ходил в форме. Гимнастерка сидела на нем как влитая, орден Красной Звезды, полученный за декабрьские бои под Москвой, заметно выделялся на сером коверкоте.

«Он поэтому и носит форму, – про себя улыбнулся Иван Александрович, – из-за ордена». И пока Игорь произносил уставные слова приветствия, Данилов подумал о том, как все же война взрослит людей. Прошло всего ничего, а Муравьев стал уже вполне зрелым человеком и толковым оперативником.

Игорь подошел к столу, сел в кресло. Даже по тому, как он держался в кабинете начальника, вызов к которому не всегда приятно кончается для любого работника МУРа, чувствовалось, что Муравьев знает цену своим словам и уж если решил что, то мнение свое будет отстаивать до конца.

– Сегодня утром я посетил директора производственного комбината Ювелирторга.
– Посетил, – Данилов засмеялся. – Ну Муравьев! Посетил – считайте, что вытащил человека утром из постели. Сработано оперативно, но не совсем вежливо.

Игорь развел руками.

– Ничего, – сказал начальник, – продолжай, Муравьев.

– Ивановский, – Игорь достал блокнот, – характеризуется с самой лучшей стороны. Старый большевик-подпольщик. В его мастерской резали шрифт для искровских типографий. Участник октябрьских боев семнадцатого года в Москве, воевал в гражданскую, но был отозван для работы по специальности в Гохран. В двадцатые годы выезжал в качестве эксперта за границу, при продаже наших драгоценностей. Активно участвовал в разоблачении группы Шелехес – Пожамчи.

– Так ты, Иван, его должен был знать, – перебил Игоря начальник МУРа, – ты же этим делом занимался.

– Нет, – Данилов покачал головой, – я тогда ездил арестовывать двух барыг, чисто техническая работа. Молодой был, еще, наверное, младше Игоря.

– Так, – начальник достал спички, закурил, – а я кое-что помню. Ну, давай дальше.

– Ивановский, – так же ровно и бесстрастно продолжил Муравьев, – награжден орденом «Знак Почета», имеет благодарности и грамоты ВЦИК и Совнаркома. В октябре 1941 года к нему в мастерскую поступило много ценностей, камней и золота от эвакуированных предприятий Ювелирторга Белоруссии и Украины.

– Так, так, – начальник застучал пальцами по столу. – Зачем они поступили?

– Для сортировки, оценки и реставрации.

– На какую сумму?

– Приблизительно на три миллиона рублей.

– Что дальше?

– В ноябре, когда обстановка под Москвой обострилась до предела, Ивановский и его помощник Попов сложили ценности в специальный ящик, опечатали его и вывезли из города. В дороге Попов умер от воспаления легких...

– Подожди, Игорь, – сказал Данилов. – А почему Ивановский не сдал ценности в банк?

– Тогда, в период эвакуации, поступило распоряжение работникам Ювелирторга самостоятельно вывезти ценности.

– Распоряжение, прямо скажем, не совсем понятное, но сделаем поправку на обстоятельства того времени, – сказал с иронией начальник. – Вот теперь кое-что проясняется.

– Как вывозились ценности из Москвы? – спросил Данилов.

– Ночью, на машине, с инкассаторской охраной.

– Все довезли?

– Сдано точно по акту, копия у меня.

– Мне кажется, товарищи, – начальник встал из-за стола, прошелся по кабинету, – кто-то знал, что ценности Ивановский увез домой. Знал, что увез, но не знал, что сдал государству. Вернее, не поверил. Психологически не мог обосновать. Думал, мол, ювелир, известный мастер, а здесь такие деньги сами в руки плывут. Я полагаю, что навел на Иванковского тот, кто знал, что у него хранятся ценности. Муравьев, поезжайте в кадры Ювелирторга, возьмите личные дела всех, кто сталкивался с Ивановским по работе...

За разговором никто не заметил, как наступило утро. Стало светлеть. Постепенно прохладный ветерок вытянул из кабинета слоистые клубы дыма, и все трое почувствовали, как они устали. Но их работа только начиналась, и никто не знал, сколько продлится она, сколько листов ляжет в папку с надписью: «Дело об убийстве гр-на Иванковского Д. М.».

Звонок телефона известил о начале нового дня. Начальник снял трубку. После первых же слов невидимого собеседника он внимательно поглядел на Данилова.

– Так, – говорил он кому-то, – понятно... Во сколько?... Понятно. Так... Спасибо.

Он положил трубку, повернулся к Данилову:

– Это для тебя, Иван, из Московского управления НКВД. Королев звонил. Машина с похожим номером была в пять утра на Минском шоссе остановлена бойцами КПП, пассажиры оказали сопротивление. В общем, один убит, двое бежали. Пошли кого-нибудь из своих на место. Но главное – связи. Нам нужно отработать все связи Ивановского. Кстати, машина записана за первым автохозяином Моссовета.

В коридоре Данилов встретил Полесова.

– Ты куда, Степа?

– За шофером, Иван Александрович. В шестнадцатое отделение поступило заявление от некоего Червякова, что вечером у него угнали машину ГАЗ с номером МО26–06.

– Угнали вечером, а когда он заявил?

– Утром.

– Привези его ко мне.

В том, что машину у Червякова никто не угонял, Данилов ни на минуту не сомневался: если угнали вечером, то почему об этом потерпевший не заявил сразу. И, уже сидя в кабинете, Иван Александрович порадовался работе своих ребят. Пока все шло четко, без осечек, но вот что будет потом – неизвестно.

В его комнате хозяйничало утро. На подоконнике сидел воробей и, наклонив голову, смотрел на Данилова круглым глазом, словно спрашивал: ну как, что нового, уважаемый Иван Александрович?

– Ничего нового, брат, – сказал Данилов воробью, – ничем тебя порадовать пока не могу. Ты залетай через месячишко...

Зазвонил телефон и спугнул птицу.

– Иван Александрович, – сообщали из НТО, – все точно, стреляли один раз из ТТ и еще три пули – из нагана, причем, судя по рисунку нарезов, две выпущены из одного и того же оружия.

– Следовательно, один из нападавших убил лейтенанта, а другой его родителей?

– Именно так. Теперь о дактилоскопии. Отпечатков очень много, но на шкатулке и шкафу идентичные отпечатки, проверяли по нашей картотеке.

– Вот что, вы бы их отправили для идентификации в наркомат. Чем черт не шутит, а вдруг там найдутся похожие пальчики.

– Хорошо, сделаем.

Данилов положил трубку, достал из стола блокнот и задумался: «Что же мы имеем, уважаемый Иван Александрович? Пока ничего конкретного. Нужно, видимо, начать с допроса Аллы Нестеровой. Тем более, что она ждет в соседней комнате».

Девушка вошла робко и осталась стоять у дверей. Данилов жестом пригласил ее сесть к столу. Некоторое время помолчали. Иван Александрович исподлбья внимательно разглядывал ее. Даже горе и усталость не стерли красок с лица девушки. Розовощекая, с большими синими глазами, черными волосами, она, безусловно, была очень хороша собой. Теперь Данилов понял, почему лейтенант Ивановский просил отпуск. Конечно, не из-за родителей, разве в этом возрасте вспоминают о них. Впрочем, вспоминают и думают, конечно, но лишь появится такая девушка и все. Как это здорово, наверное, гулять с ней по Москве, держать за руку, думать о ней в вагоне поезда.

– Вы очень устали? – задал первый вопрос Иван Александрович.

– Да, – Алла ответила тихо, одними губами.

– Я вас попрошу, поддержитесь еще немного, ваши показания для следствия крайне важны. Ведь вы тоже, вероятно, хотите, чтобы мы поскорее нашли преступников.

– Конечно.

– Вы, наверное, голодны? Впрочем, что я спрашиваю, мы же оба ничего не ели, – Данилов взглянул на часы. – Врачи нам этого не простят. Подождите, я сейчас.

Иван Александрович зашел в соседнюю комнату. За столом покойного Шарапова сидел Сережа Белов. Увидев начальника отделения, он встал из-за стола, аккуратно оправил гимнастерку.

– Слушаю, товарищ начальник.

– Вот что, Сережа, попроси, чтобы мне принесли два стакана чаю, и расстарайся, сооризи чего-нибудь поесть.

– Я уже договорился, в столовой дадут в счет пайка.

– Молодец, только побыстрее, пожалуйста.

Сережа расстарался: чай был ароматный и крепкий. Первая утренняя заварка, ее еще не успели разбавить в буфете. Они пили чай и ели хлеб с маслом. На этот завтрак, по скромным подсчетам Данилова, пошло два командирских допайка.

– Я прочитал, Алла, то, что вы написали, – Иван Александрович отставил стакан с недопитым чаем. – Может быть, еще хотите есть?

– Нет, спасибо.

Алла заметно повеселела, и это обстоятельство обрадовало Данилова.

– Так я прочитал, – продолжал он. – Понимаете, вы написали много интересного, но, к сожалению, кое-что придется уточнить. Прежде всего относительно серег. Вы не могли бы их, ну, нарисовать, что ли?

– Попробую.

– Вот вам карандаш и бумага.

Через несколько минут рисунок был готов.

– Так, – сказал Данилов, – значит, это сапфир. Кажется, синий?

– Знаете, такого глубокого синего цвета. А вокруг бриллианты небольшие, но Мария Дмитриевна говорила мне, что они очень старой работы, поэтому дорого ценятся. Они в их семье передаются женам сыновей.

– Вот как! Значит, эти серьги – талисман вроде.

– Скорее семейная реликвия.

– А сколько могла стоить эта реликвия, не знаете?

Алла посмотрела на Данилова с недоумением.

– Я понимаю, – сказал Иван Александрович, – многие вопросы покажутся вам не совсем тактичными. Но прошу понять меня, наша профессия такая, мы, как врачи-невропатологи, врываемся в человеческие души. Так что потерпите. Кстати, вы говорили, что серьги лежали в шкапулке. А что там еще было?

– Я не знаю. Нет, впрочем, погодите. Мне Сережа как-то показывал, там был Наполеон.

– Простите, кто?

– Да, Наполеон, – взволнованно сказала девушка, – печать такая. Наполеон в треуголке, руки скрестил на груди, и ниже кружок, на нем инициалы выгравированы. Печать. Сережа рассказывал, что в 1812 году, когда французы бежали из Москвы, ее забыли, а прапрадед его нашел эту печать.

– А из чего сделан этот Наполеон?

– Сережа говорил – из серебра.

– Теперь вот о чем расскажите. Вы жили рядом с Ивановскими, считались у них в доме почти родной. Правильно я говорю?

– Да.

– Так вот, не заметили ли вы чего-нибудь необычного в поведении Дмитрия Максимовича за последнее время?

– Нет, ничего особенного.

– Тогда постарайтесь вспомнить другое: перед отъездом Дмитрия Максимовича из Москвы в ноябре прошлого года вы у них не встречали посторонних?

– Видите ли, – Алла помолчала секунду. – Дмитрий Максимович никуда не уезжал. В ноябре заболела Мария Дмитриевна, и я ухаживала за ней.

– Как никуда не уезжал, – удивился Данилов, – а вы ничего не путаете?

– Да, точно, я говорю правду... Поверьте мне... – Нестерова заволновалась.

– Да вы успокойтесь, я вам верю. Тут неразбериха одна получилась. Вы уж помогите нам выяснить.

– Числа пятнадцатого ноября, – медленно, видимо стараясь ничего не упустить, начала рассказывать Алла, – да, по-моему, пятнадцатого, Дмитрий Максимович и его помощник Георгий Васильевич...

– Попов?

– Да, Попов, привезли домой тяжелый ящик. Привезли втроем.

– А кто третий?

– Шофер. Я еще удивилась: шофер, а очки у него выпуклые, как у очень близоруких людей. Так вот, они принесли тяжелый ящик. Потом шофер уехал, а Дмитрий Максимович сказал, что у них сломалась машина и надо ждать инкассаторов.

– Как я понял, инкассаторы должны были подъехать прямо к дому.

– Да, но что-то случилось, я уж не знаю что, и инкассаторы приехали только через неделю. Все это время Дмитрий Максимович и Попов дежурили в комнате, где стоял ящик, по очереди. У них даже наганы были.

– А когда приехали инкассаторы?

– Дмитрий Максимович все время звонил по телефону, а машины не было. Наконец, он сказал, что поговорит с замнаркома внутренних дел, которого знал лично.

– Он позвонил ему?

– Да. Той же ночью подошла машина с людьми в форме. А с ними какой-то начальник из Ювелирторга. Они вскрыли ящик, составили акт, а ценности положили в зеленые мешки. С ними уехал Попов, а Дмитрий Максимович остался, у него грипп начался сильный.

– Понятно, Алла. Вспомните, больше никто не заходил к Ивановскому?

– По-моему, нет.

– Ну вот мы и уточнили. Спасибо вам.

– Я могу идти?

– Конечно. Я попрошу, чтобы вас проводили.

Данилов встал, пожал девушке руку.

«Странно, – подумал он после того, как Нестерова вышла. – Выходит, что Ивановский никуда не уезжал из Москвы. Вот теперь все становится непонятным».

Иван Александрович сел на стул рядом с сейфом, прислонился виском к его холодному боку. Усталость чувствовалась в каждой клетке организма. Делать ничего не хотелось, даже думать. Мысль о том, что сейчас придется идти осматривать привезенную с КПП машину, показалась невероятной и отвратительной. Поехать бы в пивную на Малой Брестской, встать там в уголке за высоким столиком, пива выпить холодного, а потом... Потом домой, спать. Открыть окно – с прудов потянуло бы запахом свежести, и сон пришел бы невесомый и тихий...

Узор сейфа больно вдавливался в висок, но Данилов не замечал этого: он спал.

– Иван Александрович, – услышал он голос Белова, – товарищ начальник...

– Чего тебе? – спросил Данилов, не открывая глаз. Никакого уважения к старости.

– Товарищ начальник, Нестерова вспомнила, кто приходил к Ивановскому...

«В дополнение к моим показаниям, хочу сообщить, что в конце ноября 1941 года или в первых числах декабря к Ивановскому заходил тот самый шофер. Я узнала его по очкам. Пробыл он в квартире недолго. Большие я его не видела».

Данилов еще раз перечитал протокол допроса. Ну вот, кое-что есть. Теперь нужно установить шофера. Возможно, что он связан с убийством. Вполне возможно. Уж больно много совпадений.

Он позвонил Полесову. Трубку никто не поднял: значит, Степан еще не приехал. Данилов позвонил дежурному и попросил сведения обо всех разбойных нападениях и грабежах за последние шесть месяцев.

– Сейчас распоряжусь, – ответил дежурный. – Все абсолютно?

Данилов помолчал, а потом добавил:

– Нет, только группы. А также все сведения об использовании наганов. Кроме того, запроси отряды ВОХРа, не случилось ли у них чего за это время.

– Сделаем.

«А теперь надо пройтись, – подумал Данилов. – Просто выйти из управления и пойти по улице. На ходу думается легче».

Он запер кабинет. В коридоре было пусто. Прошел полпути к лестничной площадке, услышал, что в его комнате зазвонил телефон. Опять открыл дверь, надеясь, что звонок случайный и телефон замолчит. Но, видимо, на том конце провода сидел человек упорный, и аппарат продолжал звонить.

– Данилов!

Это звонил Полесов.

Иван Александрович приехал в отделение через двадцать минут. В дежурке сидел щуплый белобрысый человек и вертел в руках очки с выпуклыми стеклами. Данилов даже не удивился. Он просто ожидал этого, знал, что заявил о пропаже машины именно тот самый шофер в очках, о котором сообщила Нестерова.

Допрос он начал сразу, в отделении.

– Ваша фамилия, имя, отчество?

– Червяков Валентин Иванович.

– Год рождения?

– Мне двадцать восемь лет.

– Место работы?

– Механик первого автохозяйства.

– Почему же в вашем заявлении написано, что вы шофер?

– Это временно. Почти все водители на фронте, я из-за близорукости от службы в армии освобожден, поэтому с сентября прошлого года работаю водителем.

– С таким зрением?

– Что поделаешь, товарищ следователь, война.

Данилов встал из-за стола, прошелся по комнате. Червяков сидел спокойно, слегка прищуренные глаза за стеклами очков смотрели куда-то мимо Данилова, хотя лицо было обращено к нему.

– Номер вашей машины МО26–06?

– Да, а что, она найдена?

– Пока спрашиваю я.

– Извините.

Голос ровный. Очень спокойный голос. Данилов достал папиросу и начал разминать табак. Делал он это медленно, намеренно затягивая паузу. Червяков 22 продолжал молчать, все так же бесстрастно глядя мимо Данилова.

– Вы знакомы с Ивановским? – внезапно резко спросил Данилов.

– Да.

– В каких вы отношениях?

– Я не понимаю вопроса.

– Как часто вы с ним виделись и в какой обстановке?

– Виделся с ним в конце сорок первого...

– Точнее.

– В ноябре. В конце ноября. Мы ящик с ценностями возили, а у меня машина сломалась.

Ну вот и пришлось...

– Что пришлось?

– Ящик к Дмитрию Максимовичу тащить.

– А вы знали, что было в нем?

– Конечно. Ценности. Большие ценности. Мы их должны были отвезти на семидесятый километр Горьковского шоссе. Там было какое-то учреждение, которое их принимало и отправляло в глубокий тыл.

– А откуда вы узнали о ценностях?

– Интересно, – Червяков поправил очки, – очень интересно. Вы, видимо, считаете меня человеком, которому ничего нельзя доверять? Так я должен понимать ваш вопрос?

– Гражданин Червяков, здесь спрашиваю я.

– Это почему же? Я, к примеру, даже не знаю, кто вы. Меня сюда пригласили, а мое право отвечать вам или нет.

– Логично, но неразумно. Я начальник отделения Московского уголовного розыска. Фамилия моя Данилов. Зовут Иван Александрович. Вам этого достаточно?

– Вполне, только прошу документы показать.

Данилов усмехнулся, вынул удостоверение. Он смотрел, как Червяков читает его, близко поднеся к глазам, и еще раз удивился, как такому человеку доверили машину.

– Все в порядке, – Червяков протянул обратно удостоверение. – Теперь спрашивайте.

– Мы остановились на том, что вам поручили помочь Ивановскому вывезти ценный груз.

– Да. Меня вызвали в нашу спецчасть, объяснили всю важность задания и даже выдали наган. Правда, машину мне дали старую, я сразу же написал об этом докладную записку.

– Почему же вам дали плохую машину?

– Теперь уже сказать трудно. Машина сломалась у Колхозной площади. Мы ее бросили и отнесли ящик в дом к Ивановскому.

– Вы помните этот ящик?

– Очень хорошо. Он большой, деревянный, сверху обитый тонким железом, по бокам две ручки.

– Больше вы не были у Ивановского?

– Был. В декабре.

– Зачем?

– В машине Дмитрий Максимович оставил чемоданчик с бельем. Я его обнаружил в гараже, на следующий день. Но отнести не мог. Меня срочно направили в Балашиху в ремонтные мастерские чинить разбитые на фронте машины. В декабре я вернулся и пошел к Ивановскому. Я очень удивился, застав его дома. А еще больше удивился, когда увидел в прихожей тот самый ящик. Тогда я понял, что Ивановский просто жулик. Я долго не решался сообщить о нем. Потом опять уехал в Балашиху. Приехал в апреле и решил пойти в Ювелирторг, в их промкомбинат, и сообщить.

Червяков снял очки, помолчал.

– В промкомбинате я передал заявление заместителю начальника охраны, фамилия у него странная, подождите, – Червяков достал пухлую записную книжку, близоруко поднес ее к глазам. – Ага, вот... Шантрель.

– А почему же вы к нам не пришли?

Червяков опять надел очки и посмотрел на Данилова. За выпуклыми стеклами глаза казались огромными, особенно зрачки.

– К вам я боялся.

– Ага. Так что произошло с вашей машиной?

– Ночью вчера ко мне четверо военных пришли. Да, кстати, тот самый Шантрель запретил мне говорить об этом. Ну, пришли военные...

– Какие?

– Обыкновенные, в гимнастерках, сапогах, с наганами. Допросили меня. Документ показали, что они из охраны промкомбината. Потом сказали, что воспользуются моей машиной, их якобы сломалась. А моя во дворе стояла. Вот и все. Утром машины нет, я и заявил.

– Побудьте здесь.

Данилов вышел в соседнюю комнату. Полесов сидел у самой двери.

– Слышал?

– Слышал.

– Поезжай в промкомбинат.

Полесов

В кабинете директора промкомбината сидели двое: пожилой человек в гимнастерке воензированной охраны и девушка в милицмейской форме. Директор повертел в руках удостоверение Степана и, возвращая, спросил:

– Вы к нам по поводу Ивановского или из-за этой кражи?

– Какой кражи?

– Да...

– А вы из МУРа? – взволнованно спросила девушка. – Вы что же, нам не доверяете?

– Кому это вам? – Степан присел на стул.

– Нашему отделению. Я следователь Анохина. Я думаю, что эту кражу мы сами размотаем.

Степан невольно улыбулся. Это «размотаем» так не вязалось с ее аккуратной гимнастеркой, пушком на щеках и маленькими карими глазами.

– Вы уж объясните мне все по порядку, ладно?

– Дело простое. Очень простое, – горячо заговорила Анохина. – Вчера вечером пропало со склада четыре комплекта обмундирования. У нас есть предположение, что они похищены для продажи.

– Вы, наверное, подозреваете кого-нибудь? – Степан опять усмехнулся.

– Конечно, и усмешки ваши неуместны, товарищ...

– Полесов.

– Товарищ Полесов, – закончила Анохина.

– Вы не обижайтесь только, договорились? – примирительно сказал Степан. – Здесь все немножко сложнее. У нас есть мнение, что эти два дела тесно между собой связаны. Правда, пока это предположение. Вы расскажите, что случилось.

– Такое, значит, дело, товарищ уполномоченный, – откашлявшись, начал рассказ пожилой человек в вохровской форме. – Я начальник воензированной охраны промкомбината. Вчера кто-то взломал окно каптерки и похитил четыре комплекта обмундирования. Гимна-

стерки и шаровары. Между прочим, диагоналевые. Шерстяные, значит. Мы их перед самой войной получали. Так они без дела лежали до срока.

– А почему без дела? – поинтересовался Полесов.

– Так мужчин всех забрали на фронт. Женщины у нас теперь в охране, а им галифе без надобности. Думаем, что кто-то свой расстарался. На продажу или, вернее, на Тишинку, на харчи менять.

– Вы мне покажите склад.

– Пошли.

Промкомбинат был небольшой. Всего несколько аккуратных двухэтажных домиков с огромными окнами. Каменный забор, с вышками по углам и проволокой по гребню, отделял его от тихой Шаболовки. Степан уже знал, что на вышках постоянно дежурят бойцы охраны, по проволоке пущен ток, у ворот караульное помещение. Люди же несли службу отлично. Да и в самом комбинате ювелирные изделия занимали сейчас только треть производства. Рабочие, опытные мастера-ювелиры, привыкшие к необычайной точности, выполняли особо секретные задания фронта, такие, что знать об этом даже ему, Полесову – чекисту и большевику, не полагалось.

Нет, с улицы сюда не проникнешь. Да и какой вор полезет на охраняемый объект ради четырех комплектов обмундирования, за которые на Тишинке можно получить только водку с закуской. Нет, здесь что-то другое.

Каптерка была небольшой. Обыкновенная каптерка, как на заставе у него, когда Степан служил старшиной на границе. Те же стеллажи по стенам, тот же запах кожи и ружейного масла.

Сейчас тюки с гимнастерками валялись на полу.

– Какие размеры пропали?

– Один – пятьдесят четвертый, рост третий, два – пятьдесят второй, четвертый, и один – сорок восьмой, третий рост, – сказал начальник охраны.

– Вот видите, – повернулся к Анохиной Степан, – видите, как получается: если бы брал просто для продажи, то схватил бы первую попавшуюся пачку и ушел. А здесь он размеры выбирал.

Степан подошел к разбитому окну, присел на корточки, осмотрел пол. Потом, выйдя из помещения, обошел здание. Под окном на траве валялись осколки стекла. Полесов еще раз оглядел раму. Да, рассчитано, на дураков. В разные стороны торчало минимум четыре острых как ножи осколка. И ни одной нитки на них, ни одной капли крови.

Он повернулся к начальнику охраны:

– Окно разбито изнутри. Кто-то вошел, открыл ключом дверь, выбил окно и забрал вещи.

Причем этот «кто-то» имел сюда доступ, у него был ключ. У кого есть ключи?

– Только у меня и еще запасной в караулке.

– Все ясно. Где ваш заместитель Шантрель?

– Он в ночь дежурил, теперь сутки свободный.

– Принесите из отдела кадров его личное дело.

Данилов

Машину они оставили на улице. Шантрель жил во флигеле, в глубине двора. Шли порознь, обходя сквер, на скамеечках которого под деревьями сидели старушки. Флигель был маленький. Четыре окна выходили в заросший палисадник.

«Ничего себе, домик тихий, – подумал Данилов. Сиди у окошка, чай пей и дыши озоном. Прямо дача. Только не пил здесь чай Григорий Яковлевич Шантрель, 1900 года рождения. Он здесь другим делом занимался, совсем другим».

Данилов прислушался, во флигеле было тихо. Через открытое окно доносился голос из репродуктора: «...Роман „Мать“ занимает важное место в творчестве Горького. В нем пролетарский писатель...»

– Второго выхода нет, – сказал за спиной Муравьев.

– Понятно. Ты, Игорь, здесь останься, в палисаднике, цветочки там всякие посмотри...
Понял?

– Так точно.

– Белов и Полесов за мной.

Входная дверь была закрыта, и Данилов постучал. Осторожно постучал, как знакомый. В глубине квартиры по-прежнему мягкий актерский голос рассказывал о творчестве Горького.

Иван Александрович постучал сильнее, потом еще. За дверью закончилась передача о Горьком и начался концерт Александровича.

– Так мы до вечера колотиться будем. Видимо, Григорий Яковлевич давно уже ушел. Ты, Сережа, сбегай за дворником или слесаря приведи, жалко же дверь ломать.

– А зачем, – сказал Белов, – замок здесь английский, давайте я в окно влезу и открою.

– Я тебе влезу, ишь жиганское отродье, – раздался за спиной голос.

Данилов оглянулся. Около них стояла старушка.

– А я смотрю и думаю, не к квартиранту ли моему гости. Вроде военные. Значит, к нему.
Он спит, всю ночь дежурит, теперь не добудишься.

– Правильно, мамаша, – сказал Степан, – мы к Григорию Яковлевичу, к нему самому.

– С работы, что ли, или так, друзья?..

– Мы из милиции, – прервал ее Данилов, – вы уж откройте скорее, дело у нас к вашему жильцу срочное.

– Ну, если казенная надобность...

В маленькой прихожей были три двери.

– Вон там его комната.

Данилов дернул за ручку, дверь была закрыта изнутри.

– Вы постучите, он спит.

– У вас есть второй ключ?

– Да там задвижка...

– Степан, ну-ка попробуй, – Данилов достал наган. – А вы бы к себе в комнату пошли, – повернулся он к испуганной старушке.

Полесов отошел на шаг и ударил плечом в дверь. Створки разошлись, комната была пуста.

Когда-то один из учителей Данилова, старый оперативник Покровский, говорил, что жилище может многое рассказать о характере человека. Иван Александрович бывал в квартирах, на которые наложила отпечаток человеческая индивидуальность. Сколько он их повидал за время работы в угрозыске! Всякие видел. Но были и такие, как эта: здесь вроде ничего не говорило о характере и склонностях хозяина. Убогая старая мебель, пустой шкаф, под кроватью чемодан с грязным бельем.

– Позови Игоря, найди понятых и начинайте обыск, – приказал он Полесову, – а я пойду с хозяйкой поговорю.

Иван Александрович постучал в соседнюю комнату и скорее догадался, чем услышал, о приглашении войти. Хозяйка сидела в углу под иконой и, глядя на дверь, быстро крестилась. Маленькая, седенькая, с жидким пучком волос на макушке, она была похожа на добрую, ручную белую мышь, увидевшую кота.

– Да чего вы испугались-то, – приветливо улыбнулся Данилов. – Полноте. Ваше имя-то как, отчество?

– А ты, поди б, не испугался, если бы к тебе такие ловкие пришли? Имя мое Нина Степановна.

– Вы успокойтесь, мы вам ничего дурного не сделаем. Мы же из милиции.

– Вам видней, уважаемый, – хозяйка опять перекрестилась. – Вам видней. Вы молодые, грамотные, значит. Зачем старуха-то вам?

– У нас к вам никаких претензий. Мы вот к жильцу вашему.

– А я ему говорила. Ох, говорила. Ты человек, мол, военный, откуда продукты-то берешь? Одному столько не дадут.

– Какие продукты?

– Да всякие: и мука у него, и сахар, и мясо. Он говорил: родственники привозят. Значит, из-под Москвы. А я все равно не верила. Что это за родные такие, чтобы сахару привозили три мешка, сухофруктов тоже мешок, консервы опять же.

– А где он это держал все?

– Да на чердаке. Потом к нему его барышня приезжала. Тьфу, – старуха закрутила головой. Слово «барышня» она проговорила нараспев, с презрением. – Крашенная такая, кольца золотые. Она где-то по торговой части работала. Воровка, наверное. Я вот вчера пошла карточки отоваривать, а продавщица мне подушечки...

Старушка говорила долго и все не по делу. Но Даилов не перебивал ее, он много на своем веку свидетелей видел, они были разные. Из одних слова приходилось тащить словно клещами, другие, наоборот, говорили много и охотно, часто о вещах посторонних, но в их рассказе, словно в пустой породе, иногда мелькало и очень важное. Поэтому он слушал Нину Степановну внимательно, иногда сочувственно кивая головой.

– Он мне, знаете, и говорит, – продолжала старуха, – время, дескать, сейчас голодное, а людям жить надо, питаться. Может, кто и у вас есть, кто всякие камешки там или золото на хорошие продукты обменяет. Я ему говорю: такими делами отродясь не занимаюсь...

– Ну зачем же так, Нина Степановна. Мы ведь кое-что все же знаем, например, о том, что вы ему помогли.

– Да господи, святой крест, начальничек, нет на мне ничего. – Старушка выпалила это быстро и замолчала, словно поперхнулась.

Стоп. Где же он ее видел? Глазки эти маленькие, словно буравчики. Пучок волос... Хотя нет, не было у нее тогда пучка. Маленькие руки с круглыми ладошками и короткими пальцами. Где? И фраза эта: «...начальничек, нет на мне ничего». Так тихие квартирные хозяйки не говорят. Они больше о карточках и распределителях.

И он вспомнил, вспомнил эти ее руки. Они сгребали золотую пыль из-под ювелирных тисков. Выглядела она тогда полнее, и голос у нее был хриплый от ненависти, а потом в Гнездиновском, МУР тогда находился там, она крестилась на портрет Дзержинского.

– Да, Нина Степановна. Годы идут, а замашки остаются старые. Нехорошо знакомых не узнавать.

– А я тебя, Данилов, сразу признала, – сказала вдруг старуха совсем другим голосом. Сказала и словно выпрямилась. – Поседел ты, а все такой же. Орел. Молодым тогда был, жалостливым. А сейчас, видать, заматерел. Дай, что ли, папироску.

Иван Александрович достал портсигар. Хозяйка взяла его, поглядела на выгравированную надпись: «Тов. Данилову за борьбу с правонарушителями. От Пермского исполкома».

– Ишь ты, от исполкома. А цена ему какая? Копейка цена.

– Здесь цена не по тому преysкуранту идет, Степановна, другая моему портсигару цена.

– Это понятно. Только в двадцать пятом ты от мужа моего, покойника, мог золотой иметь, с алмазной монограммой. Да не захотел. Видишь, железным балуешься. Другая, значит, цена?

– Это точно, другая. – Данилов чиркнул спичкой, дал прикурить. – Но разговор у нас не о муже покойном, а о жилье вашем.

- А я ему не судья. Он продукты на золото менял, а я при чем?
 - Мы сейчас у вас обыск сделаем, тогда и посмотрим.
 - Делай. Моя судьба прятать, а твоя – искать. Только про Гришку ничего не знаю и к его делам не причастная. А золото, если найдешь, так это мое. Папенькой моим, золотых дел мастером Крутовым, оставлено. Его никто у меня отобрать не сможет.
 - Ладно, о золоте потом. Вы мне скажите, как к вам Шантрель попал?
 - Пришел сам. Узнал, что сдаю комнату, попросил прописать. Я не стала отказывать. Человек он военный, мне с ним не так страшно.
- Вошел Белов.
- Иван Александрович, в комнате – ничего, а на чердаке два ящика консервов нашли и мешок сахара.
 - Хорошо, в машину погрузите. Да и хозяйку не забудьте. Она с нами в МУР съездит. Может, там и вспомнит чего. А здесь устроим засаду. Останешься ты и Полесов, со стороны улицы вас ребята из отделения подстрахуют.

Данилов и начальник

- В подъезде постовой, увидев Данилова, бросил руку к козырьку и шагнул к нему.
- Ты чего, Зенин?
 - Вам передано немедленно к начальнику явиться.
 - Ладно.
- Иван Александрович провел рукой по щеке. Щетина отросла и кололась безжалостно. В таком виде наверх идти не хотелось, не привык он к этому. Когда-то давно молоденьким реалистом он пришел на работу в ЧК. Тогда и брить ему было нечего, пушок рос, но был порядок: каждый оперативник держал в ящике стола бритву и помазок. Феликс Эдмундович не терпел неаккуратности. Он сам в любое время суток был подтянут и выбрит, от других требовал того же.
- Уже у кабинета Данилова поймал замначальника Серебровский.
- Ваня, тебя начальник два часа ищет, хотел в питомник ехать: собаку за тобой посылать.
 - Я только побреюсь.
 - Ваня, и думать не смей, если я все дела бросил и тебя ищу, значит, крайняя надобность.
- Он обнял Данилова за плечи и повел к лестничной площадке. Серебровский был, как всегда, выбрит, и от него по-довоенному пахло одеколоном. Когда-то они с Даниловым работали в одной бригаде. У красавца Серебровского была необыкновенная особенность сразу располагать к себе женщин. Поэтому когда требовалось допросить кого-нибудь из «подруг жизни» клиентуры бригады, то лучше Серебровского сделать этого никто не мог. Женщины всегда становились на пути Сережи Серебровского, и не было у него из-за них служебного роста. Перед самой войной его забрали в наркомат, но там нашлась чья-то секретарша, и опять его отправили на старую работу, правда, с повышением.
- Слушай, ты где одеколон берешь? – поинтересовался Данилов.
 - Страшная тайна, Ваня: в ноябре сорок первого я с одной дамой познакомился. Так она в тэжз работала. Когда их эвакуировали, она мне говорит: если нужно, я тебе одеколону продам сколько хочешь. Вот я и запасаю. Да я тебе дам, у меня есть.
- В приемной начальника у стены сидели трое военных с худыми, изможденными лицами; у одного рука была на перевязи. Увидев Данилова и Серебровского, они встали.
- Это к нам из госпиталей направили, – пояснил Осетров, – на пополнение оперативного состава.
 - Вот что, – приказал Серебровский, – начальник сейчас уедет, а ты товарищей командиров накорми и проводи отдохнуть в общежитие. Как вернемся – поговорим.

В кабинете начальник, наклонившись, копался в сейфе.

– А, дорогая пропажа. Ну, как?

– Докладывать?

– Некогда, – он подошел к Данилову, – иди переодевайся, да побрейся. В горком нас вызывают, к секретарю.

– Так, – Данилов сел. – А зачем?

– Полегче чего спроси. Позвонил его помощник и говорит: давай с Даниловым. Я ему объяснял, что ты на операции, а он: разыскать. Через каждый час звонит – тобой интересуется...

На столе зазвонил телефон правительственной связи, или, как его называли, «вертушка». Начальник подошел, снял трубку.

– Да... Есть... Будем через сорок минут.

Он отошел от стола и еще раз оглядел Данилова.

– Двадцать минут тебе на бритье, на тары-бары всякие. И вниз. – И уже в спину крикнул: – Гимнастерку надень новую!

Данилов брился в общежитии, благо там стоял кипятильник с горячей водой. Бритва шла с треском, как коса. Иван Александрович глядел на себя в зеркало, и грустно ему становилось. Все-таки беспощадная вещь – время. Какие у него годы? Сорока двух еще нет, а вот и голова уже вся седая, и морщины. А, впрочем, еще ничего, не так уж он плох. Крепкий пока. Правда, иногда одышка появляется, да редко – головные боли.

– Хорош, хорош, – засмеялся за спиной Серебровский, – я тебе обещанное принес. На, владей, «Тройной». Только смотри! Я слышал, что после коньяка он на первом месте стоит по вкусовым качествам.

– Да полно тебе, – Данилов вытер лицо мокрым полотенцем.

– А ты пробовал?

– Было дело.

– Ну и как?

– Ты попробуй.

– Ты же знаешь, Ваня, что я только портвейн и пью.

– Аристократ. Твоя фамилия случайно не Юсупов-Серебровский?

– Нет, Серебровский-Сумароков-Эльстон, – замначальника засмеялся, обнажив белоснежные зубы.

И Данилов еще раз подивился его характеру. Серебровский был человеком мягким, веселым и щедрым. И все эти качества он сочетал с огромным личным мужеством и знанием дела.

К машине они вышли вместе.

– Ну, Ваня, езжай в верха. Только по дороге крепко подумай, какие у тебя подходы к рынкам есть.

– А мне-то они зачем? Рынки – это Серегина дело.

– Все равно подумай, об этом разговор будет. Мне сегодня верный человек в наркомате шепнул.

У машины уже стоял начальник. Он окинул взглядом Данилова и, ничего не сказав, открыл дверцу, сел на переднее сиденье. Иван Александрович устроился сзади. Шофер развернул машину, и та понеслась по полупустой Петровке, пугая клаксоном-кукушкой редких пешеходов.

Начинало темнеть. И сумрак этот был особенно замечен из-за светомаскировки. Дома глядели на улицу черными, ослепшими глазницами окон. Москва выглядела усталой. Правда, в сорок первом, в августе, тоже окна завешивали и баррикады строили. Но тогда и женщин нарядных много было, и мужчин в светлых костюмах. А сейчас все в темном, все будто в одинаковой форме. Но все-таки было что-то еще, чего Данилов никак не мог определить. И мысль

эта не покидала его, когда они шли по длинным коридорам горкома партии, мимо одинаковых дверей с фамилиями на табличках.

Да, здесь все изменилось. Последний раз он был в этом коридоре в конце октября сорок первого года, тогда горком больше походил на Смольный времен революции. А теперь тишина, солидность, как и положено столичному комитету партии.

Они вошли в приемную, из-за стола им навстречу поднялся помощник, молодой человек в полувоенной форме, с кобурой на широком командирском ремне.

– Подождите, товарищи, у секретаря рабочие с «Серпа и молота», присядьте пока.

В приемной ждал уже один человек. Он широко улыбнулся Данилову, протянул руку.

– Не узнали?

– Ба! Виктор Кузьмич, да я тебя в штатском сроду не видел. Ишь ты, какой стал...

Это был Королев, капитан госбезопасности, с которым они вместе кончали банду Широкова. Он был одет в элегантный костюм, пиджак спортивного покроя сидел на нем, как влитой. Коричневая шелковая рубашка, галстук соответствовали тону костюма.

– Трудновато тебя узнать, трудновато.

– Это и хорошо. Нас с тобой не всегда узнавать надо. Слушай-ка, тут по моему ведомству кое-что для тебя пришло. На, читай.

«На ваш запрос сообщаем, что лесничий тов. Данилов Александр Андреевич в настоящее время является комиссаром партизанского отряда „Смерть фашизму“. Зона действия отряда (далее зачеркнуто). Подпись, печать».

Данилов сглотнул комок, подступивший к горлу, и еще раз прочитал спецсообщение. Жив отец. Жив. А он уже и надеяться перестал. Комиссарит. Прямо как в гражданскую.

В это время распахнулась дверь кабинета, и из нее вышли люди. Они шли через приемную, о чем-то споря, видимо продолжая неоконченный разговор. Но Данилов не слышал их голосов и того, как помощник пригласил пройти в кабинет секретаря. В мыслях он был далеко, на Брянщине у отца, в его доме, окна которого выходили в лес и в котором было так хорошо и тихо.

– Ты что, заснул? – Начальник дотронулся до его плеча. Ждет, идем.

Секретарь горкома встретил их у дверей кабинета, крепко пожал руки, показал на кресла у стола, приглашая садиться.

– Можно курить, товарищи.

Неслышно появился помощник, поставил стакан с чаем и сел в углу кабинета в тени.

Секретарь прошелся по кабинету, остановился у стены.

– Я пригласил вас, товарищи, для того, чтобы совместно обсудить создавшееся положение. Вам хорошо известно, что вся Московская область освобождена от немцев. В настоящее время линия фронта проходит на рубеже Гжатска. Но наступление гитлеровцев продолжается, по-прежнему тяжелые бои идут в излучине Дона, враг рвется к Волге, хочет захватить Кавказ, лишить нас нефти. Государственный Комитет Обороны делает все, чтобы остановить и разгромить врага. Для этого успешно ведется реорганизация и перевооружение армии. Перед Московской партийной организацией поставлена задача – в кратчайший срок сделать наш город кузницей оружия. Москва и область становятся крупным центром оборонной промышленности. Вполне естественно, что мы просто обязаны создать все условия рабочему классу столицы для нормального труда. На нашем совещании должен был присутствовать представитель Московского военного округа, но он запаздывает, причина уважительная...

На столе тихо звякнул один из телефонов. Секретарь взял трубку и сказал одно слово: «Проси».

В кабинет вошел невысокий генерал-майор с зелеными звездами на защитного цвета петлицах.

– Извините за опоздание, – чуть глуховато сказал он, – был в частях.

– Ну вот, теперь все в сборе, – секретарь горкома сел за письменный стол. Товарищи, генерал-майор Платонов возглавляет охрану тыла войск МВО, он и доложит нам обстановку.

Платонов расстегнул полевую сумку, вынул бумаги.

– Дело такое. Обстановка в тылу наших войск, то есть в Московской области, в общем нормальная. Население освобожденных районов помогает бойцам и командирам чем может. Соответственно воинские части тоже идут навстречу нуждам трудящихся. Мы отдаем трофейную технику в восстанавливающиеся колхозы, на полях работают команды выздоравливающих бойцов, ну, конечно, продовольственную помощь оказываем. Но за последнее время в зоне действия наших подразделений имеют место случаи нападения на отдельные машины с продовольствием, на склады, фуражные пункты. С подробной сводкой я всех ознакомлю. По данным наших особых отделов, стало известно, что существуют вооруженные группы, сформированные из бывших уголовников, укрывшихся фашистских пособников и дезертиров. Это, товарищи, нарушает нормальную работу тыла действующей Красной Армии. Мы обратились к Московскому горкому партии с просьбой оказать нам помощь. Вот вкратце обстановка, – генерал полез за папиросами.

– У вас все, товарищ Платонов? – спросил секретарь.

– Пока все.

– Что скажет представитель госбезопасности? Королев встал, помолчал немного, видимо собираясь с мыслями.

– Госбезопасность располагает достаточно вескими данными о том, что вражеская разведка, причем обе службы – абвер и СД, постоянно засылает свою агентуру в наш тыл. Борьба с ней ведется успешно, наши компетентные органы располагают людьми, работающими в тылу у фашистов и передающими нам весьма ценные сведения именно по этому вопросу. Оставив надежду устроить панику, грабежи и беспорядки в Москве, враг сегодня решил прибегнуть к другим методам: вызвать недовольство жителей, нарушив снабжение, организовать черный рынок. Вражеские агенты торгуют через подставных лиц фальшивыми продовольственными карточками, причем в некоторых местах их просто сбрасывают с самолета. Надо отметить, что население столицы в целом проявляет высокую сознательность, большинство фальшивых карточек сдано. Но есть и другие лица, и именно на них делает ставку вражеская агентура. Эти люди являются косвенными пособниками врага, и наше дело их выявить. Кроме того, по нашим данным, немецкая агентура пустила в обращение фальшивые денежные знаки. Однако, считая, видимо, что это дело ненадежное, попасться можно, враг снова делает ставку на уголовный, деклассированный и чуждый нам контингент населения, чтобы организовать продовольственный кризис. Для этого сформировано несколько бандгрупп, и они начали действовать. Вот о них и говорил только что товарищ генерал.

Данилов слушал Королева, а мысленно уже перебрал все возможные подходы к рынкам, вспоминал все последние происшествия, связанные с продовольствием. Пока определенной картины не складывалось. Все распадалось, но, возможно, не так надо рассматривать эти случаи. Попытаться объединить их, найти систему.

Королев закончил и сел. С минуту все молчали.

– Разрешите мне, – начальник МУРа поправил ремень. Хорошо он выглядел в этом кабинете, высокий, широкоплечий, в красивой коверкотовой гимнастерке с тремя малиновыми ромбами на синих петлицах и двумя орденами Красного Знамени на груди. – Как я понимаю, нас вызвали для координации действий и создания единого руководства операцией. Но вот о чем мне хотелось бы доложить. Дело в том, что, начиная с июня 1941 года, работа наша приняла несколько иные формы. – Он раскрыл папку, достал отпечатанные на машинке стра-

ницы. – Вот, товарищи, пачки сводок за последние полгода. Никаких серьезных уголовных проявлений нет. Мелочовка.

– Что-что, – переспросил секретарь горкома, – как вы сказали?

– Мелочовка, – начальник несколько смутился, – ну, это на нашем профессиональном жаргоне означает мелкие дела, не представляющие особой угрозы. Однако и с этими проявлениями мы боремся...

– Это мы знаем. – Секретарь горкома взял сводку, пробежал ее быстро глазами. – Партийная организация Москвы в курсе дел милиции. Мы приняли соответствующее решение, обратились в Президиум Верховного Совета, и скоро об этом узнают все. Я понимаю вас так, что организованной преступности у нас нет. Как вы считаете, товарищ Данилов?

– К сожалению, работа у наших товарищей есть, правда, она, приняла действительно несколько иные формы. С начала войны не было заметно активизации старых профессионалов. Кроме банды Потапова – Широкова. Но, как видите, ее работа тоже была инспирирована немецкой разведкой. Сейчас, а именно сегодня, мы занимаемся одной группой. Данилов кивнул в сторону генерала и Королева.

– Значит, так, – секретарь горкома посмотрел на часы. Давайте составим план мероприятий, определим участки работы.

Полесов и Белов

До темноты они сидели в коридоре. Степан нашел старую, двадцатых годов, подшивку журнала «30 дней» и читал «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. Иногда он начинал хохотать. Тогда Белов, сидевший у двери, неодобрительно поглядывал на него.

Сергею читать не хотелось. Полистал «Огонек» и бросил. Да разве до чтения сейчас! Их оставили в засаде, а в такой обстановке всегда одно беспокойство. Впрочем, вот Полесов читает Ильфа и Петрова, смеется, ему почему-то спокойно. И «Двенадцать стульев» он открыл для себя впервые, а он, Белов, помнит их почти наизусть. В институте они соревновались, кто лучше знает роман. Выиграл он: на его вопрос, с какой стороны в Старгород вошел Бендер, никто не смог ответить. А вошел-то герой книги со стороны деревни Чмаровки. Такие вот дела были раньше...

Белов

Перед самой войной родители его уехали в Ташкент к бабушке. А Сергей собрал однокурсников, которые, конечно, были в городе, и они устроили вечеринку. Танцевали, пели, спорили и говорили о войне. Утром провожали девушек. Было пасмурно, улицы пусты, легкое вино туманило голову, и ребятам казалось, что нет более счастливых людей на земле, чем они. А потом выяснилось, что в те минуты, когда они спорили о возможности войны, она уже началась.

Он пошел в военкомат в понедельник, выстоял огромную очередь. Ему отказали: сильный грипп год назад дал осложнение на легкие. Тогда он решил схитрить: пошел в горком комсомола. И снова медкомиссия...

Родители остались в Ташкенте. Отец прислал пространное письмо, в котором советовал, как сохранить квартиру. Сергей, не дочитав, порвал это письмо: отношения с отцом были выяснены давно, еще в девятом классе.

В сентябре сорок первого он уехал рыть окопы. Под Москву послали бригаду из студентов московских вузов. Работали от темна и до темна. Делали перерыв, чтобы поесть из походных кухонь горячую жидкую кашу. Спали здесь же, в землянках. Каждый день приезжали военные инженеры, лазали по окопам, проверяли блиндажи, наносили их на карты. Газет не было,

радио тоже. Но о том, что происходит на фронте, узнавали по приближавшемуся его дыханию. Именно дыханию, так сказал знакомый парень – первокурсник из ИФЛИ Андрюша Громов.

Ночью они сидели, курили на бруствере окопа. Где-то вдалеке, за лесом, грохотала канонада.

– Сейчас он стихнет, – прошептал Андрюша.

– Кто? – удивился Сергей.

– Фронт. Он дышит и только ночью засыпает. Слышишь?

– Ты мистик, Андрюша.

– Нет, понимаешь, я его как будто вижу: он словно огромный зверь, похожий на динозавра, что ли, он ползет все ближе, ближе. Он еще далеко, но мы уже слышим его дыхание.

– Так нельзя, – твердо сказал Сергей. – Это похоже на страх. А мы должны его остановить и остановим.

– Я понимаю, – помолчав, ответил Андрюша, – но мне вдруг становится не по себе, Сережа.

А через несколько дней канонада стала еще ближе. Казалось, что снаряды рвутся где-то совсем рядом, в нескольких сотнях метров. В полдень вместо кухни к ним примчалась полуразбитая полуторка с обгоревшими бортами. Из нее выскочил военный в ватнике, перетянута портупеей.

– Кто здесь старший? Немедленно сматывайтесь: немцы прорвались! Немедленно!

С машины бойцы начали стаскивать длинноствольные противотанковые ружья.

– Идите вдоль леса, мимо деревни, к посту, – продолжал военный. – Не дай бог высухнуть на дороге!

Сергей бросил лопату, подошел к командиру. Под ватником на петлицах алела шпала.

– Товарищ капитан, я умею стрелять из винтовки и пулемета, я «ворошиловский стрелок», чемпион университета по стрельбе из нагана, я...

– Короче. Почему не в армии?

– Дважды пытался. Осложнение на легкие.

– Вы кто?

– Белов Сергей, студент второго курса юрфака МГУ.

– Разыщите старшину, получите винтовку. Кстати, здесь еще есть желающие остаться?

Добровольцев набралось около двадцати человек. Капитан выстроил их в одну шеренгу, прошелся вдоль строя, побеседовал с каждым.

– Белов, – приказал он, – ведите людей на опушку, там старшина Гончак, он переоденет вас и даст оружие.

Через час они получили кирзовые сапоги, ватники, ремни и пилотки. Подъехала машина. В кузове лежали винтовки. Оружие было не новым. На стволах пятна ржавчины, ложе и приклады с трещинами, побитые.

– Давайте, давайте, – торопил старшина. – Да не выбирай ты винтовку, все они одинаковые. Погоди, как тебя, Белов, вроде? Точно, ты пулемет возьми, тебе капитан приказал выдать. Обращаться умеешь?

И, увидев, как Сергей отделил диск и умело передернул затвор, как бережно платком начал вытирать прицельную планку, понял старшина, что знает студент пулемет. Не как кадровый боец, конечно, но для новобранца вполне сносно.

– Товарищ старшина, – попросил Сергей, – мне бы наган.

– А что, точно, – Гончак даже не удивился просьбе, – все правильно. Первому номеру личное оружие положено. Пойди погляди в кабине, там их несколько штук лежит.

В кабине полуторки прямо на полу лежали брезентовые кобуры с наганами.

А на опушке опять появилась машина, на этот раз с какими-то ящиками, потом еще одна – с красноармейцами, но почему-то винтовок у них не было. К четырем часам артилле-

ристы прямо на руках прикатали три маленькие пушки-сорокопятки, потом связисты протаскивали тонкую телефонную нитку. Так появился оборонительный рубеж. И если еще сегодня утром окопы и блиндажи были для Сергея чем-то неживым, не имеющим непосредственного отношения лично к нему, то сейчас пулеметное гнездо стало его защитой, и от прочности и надежности этой аккуратно выкопанной по грудь ямы зависела его жизнь.

Вторым номером Сергею дали Андрюшу Громова. Дотемна они провозились с окопом. Оказывается, вырыть его было полдела, главное – обжить: приспособить к себе. Когда совсем стемнело, старшина принес две банки мясных консервов, хлеб и сахар.

– За чаем сходите, там ребята вскипятили. Ну как, студенты, не страшно?

– Страшно, товарищ старшина, – сказал Андрей.

– Молодец, что правду говоришь. Только в кино не страшно, когда войну показывают.

– А вы боитесь, товарищ старшина? – спросил Сергей.

– Попривык я, Белов, кадровый я, еще финскую ломал. А так оно, конечно... Жить всем охота. Ну, давайте за чаем...

Утром на землю низко лег туман. Казалось, что он начинается прямо в окопе. Брезент, которым они укрылись, был мокрым, мокрыми стали ватники, пилюльки, шаровары.

Мелко порубив сухие доски от ящика с патронами, они разожгли маленький костер и согрели чай. Пили, обжигаясь, и чувствовали, как тепло входит в каждую клеточку тела. Потом, когда сидели на дне окопа и курили, внезапно сверху посыпались комья земли. Вдоль траншей шел капитан и еще какой-то военный в кожаном пальто.

– В общем, вы поняли меня, Лукин, – говорил незнакомый командир резким, властным голосом, так обычно разговаривают люди, привыкшие к тому, что их обязательно услышат и выполнят все. – Вы должны продержаться до тринадцати часов, потом отходить к мосту.

– Есть, товарищ генерал, постараюсь.

– Что значит постараюсь, Лукин?

– С людьми плохо.

– Если бы было хорошо с людьми, я не заставил бы вас сидеть на этом рубеже. Я приказал бы вам наступать. Вы должны...

Шаги удалились, голоса смолкли.

Когда часа через полтора ветер разогнал туман и стало видно поле и лес за ним, где-то вдалеке послышался гул. Он постепенно нарастал.

– Приготовиться к атаке! – разнеслось вдоль окопов.

Мимо пробежал капитан.

– А, чемпион... Белов, слушай и запомни как таблицу умножения. Что есть основа боя в обороне? Глубже зарываться в землю и отсекал пехоту от танков. Понял?

– Понял, товарищ капитан.

– Ну, глядите, ребята. Я на вас очень надеюсь. Очень.

Сказал и побежал дальше. А они остались. Они не могли знать, что острое танкового удара противника, прорвавшего нашу оборону, растеклось и гитлеровцы громили тылы нашей потрепанной в боях армии. Командование срочно организовало вторую линию обороны, мобилизовав для этого всех, кто мог держать оружие. Не знали они также, что группа капитана Лукина, так со вчерашнего дня именовались шестьдесят бойцов и ополченцев, занимала участок по фронту протяженностью более километра и ее задача была отразить первый натиск противника, удержаться до подхода кадровой дивизии, снятой с другого участка фронта.

Впереди, у дальнего леса, показались фашистские танки.

– Вниз, Громов, вниз! – крикнул Сергей и удивился своему голосу. Теперь он тоже начал приказывать, и голос его стал властным, и слова короткими, как выстрел. – Готовь диски, Андрей, они должны быть всегда снаряженными! Понял?

– Понял, Сережа.

– Ну, давай.

Белов достал укрытый брезентом пулемет, еще раз протер прицел, вскинул «дегтяря» на бруствер, утопил сошники. И вдруг наступило спокойствие. Страх ушел. Был холодный приклад пулемета у щеки, узкая прорезь прицела, через который сегодня он видел мир.

Звонко и отрывисто ударили сорокопятки. Но танки шли так же спокойно, как и раньше. Наконец, около башни одного из них сверкнула молния, и над окопами вздыбилась земля. Запахло жженым. Теперь танки, стреляя с ходу, шли на окопы.

Все это видел Сергей словно в замедленном кино.

Сощутив глаза, он пытался разобрать, что там за танками. И когда машины подошли совсем близко, метров на пятьсот, он различил на их броне приникших людей. Внезапно один танк дернулся, по его боку пробежала синеватая молния. С брони посыпались солдаты.

Сергей перевел дыхание и плавно нажал на спуск. Двое упали сразу, словно ударились грудью о невидимую преграду, остальные, стреляя из автоматов, начали отползать.

Теперь Белов уже не видел ничего, кроме этих фигурок, которые хотели расползтись по полю. О том, что немцы могут двигаться вперед, он пока не думал, весь захваченный необычностью обстановки.

А вокруг шел бой. Били сорокопятки, глухо кашляли противотанковые ружья, стучали пулеметы. И весь размах боя видел только Лукин. Он видел, что три машины горят, но четыре других продолжают идти на окопы, видел, как заваливалась на бок одна из сорокопяток, как дергались в такт выстрелам спины наших бронебойщиков. Пока бой разворачивался в нашу пользу. Во-первых, противник не ожидал здесь встретить сопротивление, а во-вторых, он не знал, какими силами располагает обороняющаяся сторона.

Лукин понимал, что если ему удастся отбить эту атаку, то он получит передышку, пока немцы начнут перегруппировку. А там и до тринадцати часов недалеко. Вдруг капитан увидел то, чего боялся значительно больше танков, больше их лобовой атаки. Вдоль опушки шли два бронетранспортера с пехотой. Вот они остановились, и на землю стали прыгать солдаты. «Чуть больше взвода», – мысленно подсчитал Лукин. Развернувшись цепью, автоматчики начали фланговую атаку. «Теперь они ворвутся в пустые окопы и передавят всех поодиночке, как кроликов», – Лукин зло выругался. Подобрав автомат, он крикнул связному: «За мной!» – и бросился вдоль окопа.

Сергей, на секунду оторвавшись от пулемета, тоже увидел длинные, с высокими бортами машины. Он не знал, что это такое, но интуитивно почувствовал опасность.

– Андрей, бери диски, гранаты и за мной!

Они бежали вдоль окопа, спотыкаясь, и пулемет больно бил Сергея по плечу. Задышавшись, домчались до края обороны, до той самой опушки леса, где вчера днем получали оружие.

Сергей выглянул из-за бруствера и увидел метрах в ста рассыпавшуюся цепь гитлеровцев, они шли мимо, обходя оборону с фланга. Он не торопясь утопил сошники, проверил деление на планке прицела и хлестнул длинной очередью почти в спину атакующим.

Капитан Лукин спрыгнул в окоп и увидел очкастого студента, лежавшего у задней стенки, – из простреленного виска текла тонкая струйка крови, и спину человека, приникшего к пулемету, она дергалась в такт длинным очередям. Вот он повернул потное, с грязными потеками лицо.

– Диск! Давай диск...

Лукин схватил магазин и протянул его Белову. И опять заработал пулемет и заходили лопатки под рубашкой, затряслась мальчишечья тонкая шея...

Что было потом, не удержалось в памяти. По сей день Сергей помнит только обрывки боя: грохот танков, липкая кровь, бегущая по щеке, дрожащее раскаленное тело пулемета. Потом они бежали с Гончаком через лес и тугие ветви хлестали по лицу. У моста в какой-то канаве

они снова стреляли. И все время хотелось пить. Говорить он не мог, потому что сорвал голос. Где-то рядом разорвался снаряд, и больно заломило уши...

Слышать он стал только на следующее утро. Тогда на краю деревни Лукин выстроил двенадцать человек в обгоревших ватниках и рваных шароварах. Двенадцать из шестидесяти.

– Наша группа выполнила задачу. Мы задержали врага...

Подъехала машина. Лукин подал команду и строевым шагом пошел навстречу генералу.

Тот выслушал рапорт, повернулся к своему спутнику.

– Все-таки остановили, товарищ командующий.

– Молодцы, молодцы! – Командующий пошел вдоль строя, оглядывая людей. Смирнов, – скомандовал адъютанту, – принеси портфель. Спасибо, товарищи. У вас все кадровые, капитан?

– Никак нет. Вот тот боец, с пулеметом, – студент, добровольно попросился в группу.

– Как он воевал?

– Отлично, товарищ командующий, если бы не он, смяли бы нас с фланга.

– Подойдите, товарищ... – генерал обернулся.

– Белов, – подсказал Лукин.

Сергей, подхватив пулемет, вышел из строя.

– Спасибо за службу, доброволец, – командующий достал из портфеля серебряную медаль и прикрепил ее к ватнику Сергея.

А вечером ему стало плохо. Поднялась температура, кашель разрывал горло. Гончак на попутной машине отвез его в Москву, в госпиталь.

В ноябре он выписался. На прощание врач посоветовал Сергею беречь легкие.

– Ничего страшного нет, – сказал он. Но необходимо питание, воздух, покой.

Сергей пришел домой. В пыльной квартире стояла гулкая тишина. Он разжег газовую колонку, принял ванну. Лежа в горячей воде, разглядывал свои худые руки и думал о Гончаке, Лукине, ребятах.

На утро отправился в университет. Его сразу же привлекли к общественной работе – заставили составлять списки эвакуированных. На него приходили смотреть девушки и ребята с других курсов. Когда он шел по коридору, то вслед ему неся восторженный шепот. Он стал героем, он знал и видел такое, чего не знали и не видели другие.

Несколько раз Сергей был в военкомате, но безрезультатно. В первых числах января, рано утром, ему позвонили домой из горкома комсомола.

– Приходи сегодня в горком, – сказал заведующий военным отделом, – есть важный разговор.

Он пришел. В кабинете, рядом с заведомом, сидел человек в милицмейской форме. Он внимательно поглядел на Белова.

– Ну, я пошел, – заведомом встал, – вы поговорите без меня.

– Моя фамилия Данилов, – сказал человек в форме, – я начальник отделения Московского уголовного розыска.

Так они познакомились. А через три дня Сергей Ильич Белов стал помощником оперуполномоченного в отделении Данилова. С ребятами он сошелся быстро. Поначалу он думал, что медаль «За отвагу» позволит ему чувствовать себя человеком бывалым и обстрелянным, но в отделении были награждены все. Иван Александрович получил такую же медаль еще в 1939 году, а к тому же за бои под Москвой имел орден Красного Знамени. Полесов и Муравьев носили по Красной Звезде, а у Степана еще и медаль была, правда, трудовая. Так что бригада их была, как шутил Полесов, орденоносная. Здесь прошлое в зачет не принималось. На деле требовалось себя показать...

Полесов и Белов (продолжение)

Когда стемнело и читать стало невозможно, Степан отложил журнал.

– Ты не спишь, Сережа?

– Что вы, Степан Андреевич.

– Ну молодец, – Полесов встал, хрустко потянулся. – До чего же есть охота. Ты как?

– То же самое.

– Надо воды попить и покурить сразу. Очень рекомендую, отбивает аппетит начисто.

– Как вы думаете, Степан Андреевич, придет сегодня кто-нибудь?

– Вряд ли. Мы здесь так, для порядка сидим. Теперь нет дураков, которые бы после мокрого дела сами в засаду приходили.

– Так чего же мы, собственно, ждем?

– У моря погоды, вернее, дорогой Сергей Ильич, просто случая: вдруг в сеть, расставленную для щуки, заплывет ершик. Маленький, но умный, кое-чего знающий. Да. Вот уж стемнело совсем. Ты, Белов, сиди здесь, а я в комнату пойду. Вдруг в окно кто и заглянет...

Данилов

К пяти утра он закончил дела. Вернувшись из горкома, уговорил Серебровского помочь ему допросить хозяйку Шантреля, и тот, как всегда, не подвел. Старуха рассказала все через полчаса.

– Возраст, – говорил потом Серебровский. – У меня, Ванечка, на таких особый настрой.

Правда, особенно важного от допроса Спиридоновой Данилов не ждал. Но тем не менее выяснилась одна любопытная деталь. Шантреля привел к старухе Володя Гомельский, известный фармазонщик и золотишник. Привел он его в июле сорок первого, а откуда приехал Шантрель, давали разъяснение следующие строчки протокола: «Я, конечно, как женщина честная, в чужие дела не лезла, но случайно услышала, что Володя Гомельский называл моего постоянного земляка, и они вспоминали общих знакомых и родителей Володи».

Теперь необходимо было, во-первых, разыскать Гомельского, во-вторых, узнать, откуда он родом. Однако все это пришлось отложить, так как начальника отделения, занимавшегося подобными делами, на месте не было, он, видимо, носился по городу, разыскивая свою беспокойную клиентуру.

Данилов позвонил в район и приказал снять засаду на Палихе. Она ничего не дала, впрочем, особой пользы он от нее и не ждал. Оставил ребят в надежде на то, что, может, кто-нибудь придет за продуктами.

– Вы за этим домиком смотрите в оба, будьте начеку. В конце концов, должен же кто-то прийти. Обязательно должен, – сказал он начальнику розыска райотдела. И, выслушав его длинную тираду о том, что людей не хватает и уж лучше пускай его самого, начальника розыска, пошлют на фронт, и что у него на территории «повисают» кражи, твердо добавил: – Это приказ начальника управления, и наше дело выполнять его.

Повесив трубку, Данилов запер кабинет и вышел на улицу.

Долго ждать трамвая на остановке не пришлось. Он вошел в вагон, который был совершенно пуст, лишь старичок кондуктор читал газету. Он сел у окна и задремал. От таблетки кофеина, которую он принял час назад, не чувствовалось бодрости, скорее наоборот. На остановках открывал глаза, невидяще глядел на знакомые улицы и снова погружался в полубезыбие. Кондуктор тоненьким дискантом объявлял остановки.

На улице 1905 года Иван Александрович вышел. До дома было рукой подать, но идти стало трудно, ноги словно налились свинцом. Он все же поднялся на третий этаж и открыл дверь квартиры.

В прихожей, стараясь не шуметь, стащил сапоги и расстегнул португую. Так с ремнем в руках вошел на кухню и увидел Наташу. Она стояла у плиты и улыбалась.

– Ну что, Данилов, наконец ты и обо мне вспомнил.

Она шагнула к нему, и он обнял жену, еще теплую ото сна и, как всегда, удивился, почему волосы у нее пахнут травой.

Когда он проснулся, в комнате царил полумрак от задернутых штор. Данилов взял с тумбочки часы. Стрелки показывали три.

Он сразу же позвонил в отдел и попросил прислать за ним машину. Потом быстро побрился, принял холодный душ (горячей воды, конечно, не было), больно вытерся жестким полотенцем. Тело приятно горело. Шлепая босыми ногами по нагретому солнцем полу, прошел в комнату, надел все чистое. У стола на спинке стула висели выглаженные гимнастерка и галифе. На скатерти лежала записка:

«Картошка в духовке. Поешь обязательно. Целую. Наташа».

Иван Александрович оделся и почувствовал зверский аппетит. Он еще не успел справиться с картошкой, как снизу послышались условные гудки машины – два коротких и длинный. Данилов запер дверь и спустился во двор.

За рулем сидел недовольный Быков. Всю дорогу до управления он жаловался начальнику на плохие условия работы в гараже, на отсутствие запчастей, плохой бензин и тому подобное. Тема эта была бесконечной. Шофер все бубнил, не давая Данилову сосредоточиться, наконец, у поворота на улицу Горького Иван Александрович не выдержал:

– Ты помолчал бы, Быков, а то голова от твоих колец и поршней пухнуть начинает.

Шофер замолчал, видимо, обиделся. Когда подъехали к управлению, Данилов, выходя, сказал:

– Завтра поговорю с кем надо. Выдадут тебе запчасти.

В своем кабинете он с удивлением увидел Агеева, бывшего прокурора района. В 1940 году тот вышел на пенсию, и многие сотрудники милиции с облегчением вздохнули. Агеев слыл человеком мелочным, злопамятным и крайне вредным.

Ходил он всегда в грубых сапогах и косоворотке, подпоясанной солдатским ремнем, на котором висела кобура. Любой спор начинал привычной фразой: «Мы институты не кончали, нашим университетом, как сказал пролетарский писатель, кузня была». Но в сороковом прихватили его на хозяйственном деле. Агеев сам его вел, да что-то не сошлись у него концы с концами. В общем, отправили его на пенсию.

– Я смотрю, Данилов, – голос у Агеева был скрипучим и резким, – в чины ты вышел, ромб на петлицу надел. А с большевистской совестью как? А, Данилов?

От растерянности Иван Александрович на время потерял дар речи. А Агеев, зло прищурив глаза, копался в портфеле, доставал какие-то бумажки.

– Я теперь в отделе прокурорского надзора работаю, за вами, милицейскими, наблюдаю. Я хоть институты не кончал...

– О кузне я уже слышал, – Данилов медленно наливался гневом, – старая песня. И попросил бы мне не тыкать, поскольку с вами, Агеев, в той самой кузне не работал, я в это время на рабфаке учился.

– Что вы сказали? Не рано ли нос задираете, – Агеев, наконец, достал из портфеля какие-то бумажки и протянул их Данилову. – Вот вам, так сказать, сюрприз.

Тот взял помятые листы. Это была отпечатанная на машинке копия заявления Спиридоновой. Быстро прочитав, Иван Александрович подошел к сейфу, открыл его, комнату наполнила тонкая старинная мелодия, и спрятал заявление.

– Все, идите. Вам официально ответят.

– Я пойду, – лицо Агеева неприятно исказилось, – я пойду, но кое-что и у меня осталось.

– Вот что, слушайте меня внимательно. На запрос горпрокуратуры мы ответим. Кстати, приложим старые, архивные справки о судимостях Спиридоновой, но в нашем письме будет указано, что вы, пользуясь своим служебным положением, пытаетесь оказать влияние на следствие. Только вот почему это делаете, интересно? Уж не из-за продуктов ли?

Данилов сказал это просто так, наугад и, по тому, как сразу побледнел Агеев, понял: попал в цель.

– А теперь идите, с горпрокурором мы свяжемся. Кроме того, узнаю, как вы опять на работу попали.

Агеев выскочил из кабинета, сильно хлопнув дверью.

«Ишь сволочь, – подумал Данилов, – опять воду мутит. Нет, таких близко к охране закона подпускать нельзя. Иначе они оправдают любое действие, лишь бы оно им выгодно было».

Он посмотрел на календарь, там было записано: позвонить Муштакову, начальнику отделения по борьбе с мошенничеством. Данилов решил не звонить, а зайти, благо кабинеты их были на одном этаже.

– Привет, – улыбнулся Муштаков, – привет героям сыска. Чего в наши Палестины? Никак, сняли тебя, Ваня, и бросили на новый ответственный участок.

– Пока не сняли. Но кто знает, все может быть, особенно если ты мне не поможешь. Послушай, говорят, что у тебя память хорошая.

– Пока не жалеюсь.

– Володю Гомельского помнишь?

– Ну как же, самый яркий из моих клиентов. Образование, эрудиция, умение одеться – все при нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.